

18+

ВАЛЕРИЯ ИСАЕВА

Письма в бутылке

СБОРНИК РАССКАЗОВ И ПЬЕСА

Валерия Исаева
Письма в бутылке.
Сборник рассказов и пьеса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55732680

ISBN 9785449894892

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В сборнике «Письма в бутылке» собраны различные рассказы и пьеса, которые объединяет стремление их персонажей к высшим идеалам и духовным ценностям. Любовь, искусство, личные принципы и убеждения – герои произведений живут своим выбором и учат читателя никогда не сдаваться на пути к своим мечтам.

Содержание

Остров	5
В городе N	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Письма в бутылке

Сборник рассказов и пьеса

Валерия Исаева

© Валерия Исаева, 2020

ISBN 978-5-4498-9489-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Остров

Она была особенная... Один ее запах навсегда врезался в память и кружил голову на протяжении долгих лет. Она не пахла духами с приторно-цветочным ароматом, как дочери и жены богачей, она отличалась от многих. Ее волосы насквозь пропахли крепким табаком, поскольку в таверне, где она часто проводила вечера, все вокруг нее курили. От нее вечно веяло мужским одеколоном, но ни один мужчина не мог похвастаться даже ее ответным взглядом на него. Однажды я сидел на набережной после трудового дня, а она прошла мимо и от нее повеяло какой-то дикой смесью переспелого манго, табака и одеколona вперемешку с нотками спирта. Она не пила, хотя ее отец любил пропустить стакан-другой рома после работы в порту. Ее легкое розовое платье развевалось на ветру и только тогда я сумел охарактеризовать этот сложный и невероятный запах – запах свободы. Вот он -истинный символ нашего Острова Свободы – юный, незабываемый, прекрасный, вдохновляющий на благородные дела и необыкновенный.

Я не знаю, верила ли она в Бога, но на шее у нее всегда висел металлический крест. Скорее всего, согласно обычаям ее семьи. Краем уха я слышал от работников порта и рыбаков, что она как-то раз была на мессе. Кто из нас не был на ней в тяжелые моменты жизни? Впрочем, это неважно. Я

сам не являюсь соблюдающим католиком, лишь просто верую в единого Бога и мне этого достаточно. Я не знаю ни одной молитвы.

Она училась на медсестру. Не потому что эта профессия была престижна или потому что ее семья на этом настаивала, нет. Она действительно была отзывчива и сострадательна. Как-то раз мне довелось увидеть, как она подобрала голубя, которого подрала кошка, и понесла его домой. В свободные от курсов и от домашних заданий часы она подрабатывала лаборантом в поликлинике.

Она состояла в партии и представляла свой колледж на всех собраниях с политическим уклоном. Она была правой рукой старосты, но весь смысл состоял в том, что старосту недолюбливали, а к ней относились куда лучше. Дело в том, что староста была чересчур приземленной, ей было дело до всех и каждого, вплоть до мельчайших подробностей, а Она возвышалась над этой мирской суетой, умела отдалиться от обыденных проблем, придирок ко всему и вся. Но в то же время у нее были завидные сила и стойкость характера, которые она проявляла в учебе, на работе, на партийных собраниях и в той же таверне. Все знали, что вечерами она сидит в этом заведении и поначалу партийное руководство даже высказывалось по поводу такого поведения, но потом выяснилось, что она не употребляет спиртного, не курит табак, не позволяет себе вольностей, а просто пьет чай и слушает живую музыку. Тогда все претензии к ней

исчезли.

Ей было всего восемнадцать, большинство девушек ее возраста веселились, наслаждались жизнью и уж подавно не имели таких принципов, какие были у нее. Откуда у нее была такая жизненная позиция? Мне этот вопрос не давал покоя. Она ставила себе ограничения, но в то же время она была свободнее любого человека на нашем острове. Хотелось бросить свой привычный мир и жить всю жизнь с ней, переживая каждый момент так, как это делала она. Хотелось глядеть на этот мир ее глазами. Казалось, что ее мировосприятие гораздо ярче и интереснее любого, чьего бы то ни было.

Я не знал, как к ней подойти. Если бы я постарался с ней познакомиться на улице, ничего хорошего бы не вышло. Она прошла бы мимо и даже не глянула бы на меня. А подойди я к ней в таверне, такой взгляд бы бросила, что я бы сразу отпрянул. Я решил идти после рабочего дня в таверну и попытаться заговорить с ее отцом.

Смеркалось. Было семь часов вечера. Люди освобождались с работы и шли отдыхать. Бар находился приблизительно в километре от моей работы и я шел по набережной, представляя себе, как я поговорю с ее отцом, и, может быть, если Бог улыбнется мне, отец даст добро на союз меня и его дочери. Я об этом мог только мечтать. Наконец, издали стала раздаваться негромкая музыка гитары. В баре она играла постоянно. Я пошел на звуки и, только зайдя за порог таверны,

Я получил приветствие от работающих и отдыхающих там. Я без промедления сел за бар и попросил кофе. Я практически не пил, таковы были мои принципы. Попивая кофе, я размышлял о предстоящем разговоре. Однако ее отца не было и не было. Я уже и не ожидал его увидеть, однако, сразу же после моей мысли о том, чтобы пойти домой и попытаться удачно в следующий раз, двери распахнулись и вошел мужчина средних лет, потомок испанских эмигрантов, ее отец. Волею судеб он сел на соседний со мной стул и заказал порцию рома. Не решаясь заговорить с ним, я молчал на протяжении десяти минут, но потом все же осмелился поздороваться. Он с энтузиазмом ответил на мое приветствие, подхватил беседу и начал расспрашивать про мою работу и про семью. Таким образом я подвел тему разговора к вопросу о его дочери. Он усмехнулся и сделал еще один глоток рома:

– Что ты хочешь знать? – спросил он, – она такая же, как ее мать, царствие той Небесное. Никогда не поймешь, что у нее на уме, ни-ког-да. Оно тебе надо? Я ее мать не один год добивался, хотя вокруг было много других девушек, которые были куда попроще. Добился. А в итоге дочь – один в один. За ней мужчины толпами ходят, и достойные среди них есть, а она все нос воротит. Я пробовал поговорить с ней – слушать ничего не хочет. Переводит тему. А иногда так глазами сверлит, что мало не покажется. Ее ровесницы другие, а она вот такая. Шаг влево, шаг вправо – расстрел взглядом на месте. Тебе оно надо?

Он сказал, как отрезал. Я догадывался, что все так и есть, но меня это не испугало. Я начал еще больше допытываться и снова задал вопрос:

– А можно с ней познакомиться? И как? Не подумайте плохого, мне давно нравится ваша дочь, мне неинтересны другие.

– А от меня ничего не зависит. Это ей самой решать, я над ее жизнью не властен. Я не представляю, что с ней должно произойти, чтобы она пошла с кем-то под венец. И каким идеальным должен быть этот человек.

– Спасибо вам, конечно, но как с ней познакомиться? Она же отошьет.

– Верно. Я ее ни с кем никогда не видел. Но, но. Я постараюсь с ней поговорить. Ей уже восемнадцать, все-таки. А что касается знакомства, я с ее матерью знакомился три раза. Подходил к ее родителям и к ней самой. Здесь важно быть обходительным и не надоедать. Но и не пропадать, а то забудут тебя. Нужно понимать ее, а это – отдельный вид искусства. Я верю в тебя, постарайся, – он хлопнул меня по плечу, оставил счет на барной стойке и ушел.

Я остался один на один с кофе, звуками гитары и тяжелой от мыслей головой. Но мою тишину прервал бармен:

– Ну что, из-за этой красавицы? Да бесполезно, дружище, найди попроще, все одинаковые.

– Нет, не говори так. Не одинаковые, – отрезал я

– Да так и до депрессии недолго, может быть, чего покреп-

че?

– Нет, не надо, возьми за счет.

Я положил монеты на бар и отправился домой. Мои мысли занимала лишь она. Весь остаток вечера, всю ночь. Мне снились сны о том, как она проходила мимо меня на набережной в своем розовом платье, торопилась на занятия. И вдруг она повернулась, оглянулась на меня и улыбнулась. Она, даже не глядящая на тех, кто пытается добиться ее расположения! Мой сон прервали брезжившие в окно лучи тропического солнца. И я дико сожалел, что это было не наяву.

На следующий день она прошла мимо меня на том же участке набережной и в том же платье, что и в моем сне, но наяву она и не думала оборачиваться и улыбаться. Я долго провожал ее взглядом и это прекрасно заметили мои напарники. Они сели возле меня и попытались заговорить со мной по этому поводу:

– Что, нравится? Ее все пытались добиться, думаешь, повезет? – спросил Пабло

– Ее ничего, кроме пробирок и капельниц, не интересует, а ты размахнулся... Лучше пойдем сегодня в таверну, познакомимся с девушками, – вмешался Хуан

– Да, ты привязался к ней слишком, жизнь чересчур коротка, чтобы пороги обивать почем зря, – поддержал Пабло

– Сам разберись, – не выдержал я, – вы мне друзья, конечно, но это мое дело.

Я встал с парапета и пошел работать дальше. В тот день

выдалось много работы, и, чтобы отдохнуть, мы вечером все же пошли в таверну. Но там я все равно не собирался ни с кем знакомиться.

Едва мы зашли в уже заполненное людьми заведение и сели у бара, мой взгляд сразу же нашел ее, сидящую неподалеку. Она медленно попивала кофе, не придавая никакого значения попыткам бармена начать разговор. Казалось, она такая гордая со всеми, она должна быть и в личном общении очень высокомерная... Но ситуация того вечера показала мне ее с другой стороны. Музыкант играл негромко, было слышно все разговоры за стойкой. Возле нее сидел выпивший мужчина средних лет и пытался заговорить с ней, а она молчала и даже не глядела на него. Он спрашивал, как ее зовут, сколько ей лет, почему она так всех стесняется, есть ли у нее молодой человек, а если нет, почему же она не хочет общаться с ним. Это было уже слишком. Она оторвала взгляд от чашки кофе и направила на него взгляд Медузы Горгоны. Я понял, что нужно вмешаться. Он крайне искренне выражал удивление по поводу того, как она на него смотрит. Я встал со стула, подошел к нему и спросил:

– Чего тебе от девушки надо? Не видишь, не хочет общаться?

– Не видишь, пытаюсь познакомиться? – ответил он

– А твое общество, думаешь, интересно? – не растерялся я

– А ты чего влез вообще? Поговорить захотел? Ну так получай по заслугам!

Его увесистый кулак прилетел мне в скулу. Но и я в долгу не остался, драться с малых лет меня учил отец, поэтому мне ничего не стоило постоять за себя и за девушку. Нас сразу же бросились разнимать гости и работники таверны. Драка не повлекла особых увечий, как только нас разняли и как только мы пожали друг другу руки в знак примирения, я сразу же бросился искать ее. Все, что я заметил на барной стойке – это несколько монет и пустая чашка кофе. Бармен указал мне, что она только что вышла на улицу, и я, забыв про друзей, бросился вслед за ней. На город опустилась темнота, был слышен шум прибоя, веял несильный ветер. Возле таверны стояла деревянная лавочка, на ней сидела она, закрыв лицо руками. На улице не было многолюдно и лавочка не была на всеобщем обозрении, поэтому я присел рядом с ней. Она, прежде такая сильная, казалась такой беззащитной.

– Испугалась? Да не стоит это таких переживаний, тут пьяных хватает, – сказал я.

Она убрала руки от лица и неожиданно задала странный вопрос:

– А кто стоит? И что стоит?

Ничего себе, я уже думал, что она не заговорит со мной, а она ответила...

– Ну как, одно дело, когда горе непоправимое, а так-то зачем, – смутился я

Она глянула мне в глаза, но как-то по-доброму.

– Ты ошибаешься, если думаешь, что все хорошо, – сказала она с затихающей интонацией

– Что-то можно исправить или нет?

– Если бы можно было, – с грустью ответила она.

– Если обижают, говори мне, не стесняйся!

– Нет, спасибо, вы все так говорите, – она встала со скамейки и пошла в сторону своего дома.

Я хотел догнать ее, но вспомнил, что не нужно слишком навязываться. Наверняка она мне благодарна, раз уж заговорила со мной...

В эту ночь мне снилось, что она мне вновь улыбалась, но в этот раз тогда, когда мы сидели возле таверны. Естественно, я мог для нее быть очередным случайным человеком, беседа в тот вечер тоже не представляла для нее ничего особенного, но с каждым днем я привязывался к ней все сильнее. В ее словах была жизненная мудрость, помноженная на отпечатки тягостных ситуаций. Откуда это, в восемнадцать-то лет? Ее ровесницы бы запросто бы начали беседу с тем выпившим человеком, а потом бы и мне на шею бросились, пообещай я их защищать. Что же заставило ее в столь юном возрасте так себя вести? Я думал о ней каждый день, а она проходила мимо и даже не смотрела в мою сторону. После того разговора на лавочке я понял, что она не была неприступной крепостью. Просто в ее жизни произошла какая-то неприятность. Странно, люди нашего острова переживали разные невзгоды, давным-давно научились улыбаться

ся в лицо даже самым суровым временам, но она... Вопросы о ней не давали мне покоя. Друзья видели мое состояние и старались познакомить меня с другими девушками, но я наотрез отказывался. Отец ее периодически видел меня, мы здоровались, беседовали о жизни, но от нее вестей не было, хотя отец и говорил с ней насчет меня. Я поведал ему, как вступился за его дочь, и это ему очень пришлось по душе. Из его разговоров я понимал, что он и его дочь не так уж и близки. И со своей матерью, как я понял, она тоже не была близка. В Бога она не верит, на мессах ее нет, кому же она открывается?

Подруг у нее тоже особенно не наблюдалось. Я пару раз видел, как несколько ее сокурсниц смеялись вслед ей: «Смотрите, Христова невеста идет!». Но, кажется, ее вообще не тревожили эти глупые реплики.

Спустя месяц после того случая в таверне, я снова сидел на парапете после работы и смотрел на прибор океана. После трудового дня такая обстановка очень способствовала отдыху. Но мой покой прервал стук каблуков. Уже было темно, на том участке набережной, где находился я, почти никого не было. Я обернулся. Конечно же, это была она. В платье бежевого цвета и с сумкой через плечо. Шла домой. Наверное, слишком устала на занятиях и работе, не увидела неровность дороги и споткнулась о камень. Я немедленно подскочил с парапета и бросился к ней:

– С тобой все хорошо? – спросил я, – ничего не повреди-

ла?

Она бросила на меня удивленный взгляд. Было непонятно, помнит она меня или нет. Сидя на земле, она ответила:

– Нет, все нормально. Ой! – она постаралась встать и снова села, почувствовав боль.

– Значит, повредила, – констатировал я, – не переживай, донесу до дома, – поднял я ее на руки, – есть там кто-нибудь?

– Отец уже должен вернуться из бара, – ответила она.

– Вот и отлично. Это ерунда, это пройдет.

Я шел по пустынной ночной дороге, неся ее на руках. В целом она отлично держалась. Тень ее ресниц падала на ее щеки, пряди ее волос лежали на моих руках. Она явно хотела спать. Подойдя к порогу дома, я постучал в дверь. Спустя полминуты нам отворил ее отец. У нас не принято никуда торопиться. Он улыбнулся, увидев нас вместе, и пропустил нас в дом. Витал запах свежих фруктов и табака. Помещение было скромно обставлено. Отец указал мне на ее кровать. Я прошел дальше и положил ее на постель. Она посмотрела на меня добрым взглядом. Все ее выражение лица говорило о благодарности.

– Не хуже? – спросил я.

– Нет, все обойдется, – ответила она и на ее губах появилась едва заметная улыбка.

Как долго я ждал этого момента! Но поскольку я не был приглашен в гости, оставаться дольше было бы нетактично. Эта мысль заставила меня встать с края постели, попрощать-

ся с ней и пойти к выходу.

У двери меня уже караулил ее отец. Он поднял вверх большой палец и улыбнулся во весь рот.

– Отлично, – шепнул он, – Бог тебе улыбнулся. Посмотрим, что будет дальше.

– До встречи, – улыбнулся я.

Дверь закрылась за мной.

Стоя той ночью на пустынной улице близ набережной, я чувствовал себя самым счастливым человеком на этой огромной планете!

Друзьям я про нее не рассказывал. Никто не знал про наш первый разговор и про то, как я донес ее до дома. Поэтому и третья наша встреча произошла втайне, об этом не знала ни одна живая душа, лишь я и она. Это был наш общий секрет.

Однажды я проходил по той самой улице, на которой жила она. Просто прогуливался в свой выходной, но тут открылась заветная дверь, когда я проходил метрах в пятидесяти от нее. Я увидел ее. Воскресенье. Она не училась и не работала. Она стояла в домашнем платье и с распущенными волосами. Я пошел по направлению к ней и спросил:

– Как самочувствие?

Она заговорщицки огляделась по сторонам и позвала меня в дом жестом. Что? Это не сон? Без тени раздумий я быстро подошел к двери.

– Проходи, соседи ушли отдыхать. Никто не увидит тебя и не будет пускать сплетни. В нашем городе личное – уже

не личное, – приговаривала она, ведя меня в ее с отцом часть дома.

Дома на нашем острове находятся в аварийном состоянии, в одном доме могут жить несколько семей и платить по два доллара в месяц за эту жилплощадь. Здесь теснота, царит беспорядок, много детей. Спальня – это одна кровать. От тропической жары спасает вентилятор. Вода приносная, хотя дома газифицированы и есть свет. Разумеется, работает это все с перебоями. На общей кухне сидели я и она. На плите стоял только что приготовленный лимонный пирог.

– Наказал Бог меня кулинарным талантом, все моей стряпни хотят отведать. Хорошо, когда я подвернула ногу, все были в таверне или еще где-то. А то бы выбежала толпа глазеть на представление, – промолвила она.

В этой девушке был огромный плюс – чувство сакрального. Чувство личного. Она никогда не будет выставлять на обозрение личные и дорогие сердцу вещи. Но с другой стороны – эта девушка пригласила меня к себе? Учитывая, что мы и знакомы едва? Или она очень уверена в себе, ведь я мог оказаться сплетником и выдумщиком, который рассказал бы всему городу о своем визите к ней, или же она очень хорошо разбирается в людях. Я сидел в тесном помещении на ободранной табуретке и осматривал кухню.

– Нога получше, спасибо, – словно опомнилась она

– Слава Богу, – ответил я, – соседи не обижают?

– А что на них обижаться? Примитивные люди. Роддом,

школа, работа, старость. Так вся жизнь и пролетает. Чем им развлекаться? Только сказки друг про друга рассказывать с утра до ночи.

– Правильно относишься, – одобрил я, – в таверне больше казусов не было?

– У всех ума хватает только подумать, что я молодая и о жизни ничего не знаю. Но никто не знает мой путь, – вздохнула она

Я понял, что нужно вести себя осторожно. Если она захочет рассказать, она расскажет. Может быть, я смогу ей помочь...

– Если не трудно, можешь рассказать. Если не хочешь – я не настаиваю. Может быть, что-то можно исправить? – поинтересовался я.

Она поставила пирог на стол, разрежала его и начала рассказ. Местами она печалилась, местами она злилась. Падре в костёле такого точно не расскажешь. Она сидела на такой же ободранной табуретке возле меня и глядела в пол. Солнце брезжило в полуоткрытые окна и свет играл на ее черных волосах.

– Я его встретила в шестнадцать лет. За два года до этого умерла моя мать от сердечного приступа. Я – вылитая она. Мать была очень интересной и начитанной женщиной. И как она могла заинтересоваться таким пролетарием, как мой отец? После событий с тем человеком я дала себе слово, что обману эту генетику, во что бы то мне ни стало. Да

кто он был? Матрос, в самом деле... Корабль их флотилии стоял в нашем порту около четырех месяцев. Матросы периодически гуляли по острову. Я, в отличие от многих девушек, не сходила с ума при виде военной формы. Но эти двое сами со мной познакомились. То ли время спросили, то ли дорогу... Оба потомки выходцев из Африки, северной и центральной. Они оба были около двух метров ростом, на них все заглядывались... Беседовали оба так непринужденно, раскованно, располагающе, как и наши островитяне. Только они меня замечали на улице, сразу же подходили ко мне и я ходила с ними по городу, как с личной охраной. Сколько же девушек бросали завистливые взгляды на нас... В один день Самир отлучился, а Жан остался со мной наедине и начал расспрашивать нравится ли мне Самир и так далее, ведь я веду себя с обеими парнями как с друзьями, особой симпатии ни к кому не проявляю. В ответ я лишь улыбнулась Жану и поцеловала его в щеку, сказала, что лишь он мне нравится и больше никто. У него сразу же загорелись глаза, он обнял меня, очередной раз повторил, что я красивая, и мы сидели так до самых сумерек, пока не пришла ему пора идти на корабль. Мне не хотелось его отпускать, он не отрывал от меня глаз, будто ребенок от чего-то яркого и запоминающегося, улыбался мне, – она подняла на меня глаза и в них отразилась боль, – я с детства ходила в костёл. Ни мать, ни отец на этом никоим образом не настаивали, богослужение происходило по моей воле. Помнится, лет в две-

надцать я даже хотела стать монахиней и оставить мирскую жизнь навсегда, но после я раздумала, поняв, что аскетичная жизнь – не мой удел. Но разве сейчас я не являюсь аскетом? Он был моей первой любовью. Люблю ли я его сейчас? Пожалуй, люблю, ненавидя. Я люблю только того Жана в первый месяц знакомства, а не того демона, которым он оказался в действительности. Втереться в доверие к шестнадцатилетней девушке – вот уж проще не придумаешь! Я была вовсе не глупа, но и он был смышлен. И сердцу не прикажешь... Но я научилась приказывать сердцу! Со временем, через боль и страдания, но научилась! Он не обещал ровным счетом ничего, он просто заботился обо мне, смотрел влюбленными глазами, не отходил от меня ни на минуту. Артист... Есть такие люди, которые просто наслаждаются актерской игрой – своей и окружающих. А потом раз – и спектакль окончен. И когда упадет занавес – никто не знает... Главные герои в том числе. Как надоест, как наиграются, так завершается актерская игра. Но я уже стала замечать, что все время думала о нем. В школе я не могла сконцентрироваться на уроках, в костёле все мессы шли мимо моих ушей. За домашними делами он занимал все мои мысли. На одной из наших встреч он подхватил меня на руки. Прямо как в тот вечер, когда я подвернула щиколотку. Это было незабываемо. Он, такой сильный, нес меня, такую маленькую... Как-то раз мы пришли в какой-то дом с коммуналками, на выходе из которого, прямо у нас перед носом, выпорхнул Самир

с какой-то девушкой. Они смеялись, а увидев нас, сказали: «Ну что же вы встали, милости просим!» Самир подмигнул мне своим черным глазом. Я любила Жана. Я догадывалась, что Господь этого не одобрит, но поскольку мы друг друга любили, может быть, он отпустил бы нам этот грех... Хотя уже по разгульному поведению Самира можно было сделать вывод об образе жизни большинства моряков. Месяцами ничего, кроме морских волн, не видят, а как только причалят к суше, так и начинается веселье... Я верила до поры до времени, что Жан верен мне, пока не застала его на прогулке с другой девушкой. Я устроила скандал прямо при ней, ругала Жана, на чем свет стоит, а он в ответ сказал лишь пару нелепых фраз... В следующий раз он гулял уже с другой девушкой. Я искренне не могла взять в толк, что же происходило... Я дико ревновала Жана, а он все так же продолжал ходить на встречи со мной, будто ничего и не происходило. Неужели ему, взрослому парню, так было сложно сказать мне, что я ему больше не интересна и он нашел другую? Уж не знаю, трусость это, или же просто свинство... В один день я поняла, что я беременна. Я не хотела ставить в известность докторов, потому что новости на нашем острове распространяются быстрее ветра. В тот же день я побежала к кораблю и начала звать Жана. Он нехотя вышел на берег и лениво спросил, мол, чего тебе? Я не ожидала от него такого безразличия к моей персоне и ответила в его же духе, что я жду ребенка. Он потупил глаза: «От меня что ли?». Я

недоумевала, что же ему послужило поводом для сомнений, ведь я ни с каким другим парнем не встречалась, да и вообще, это было бы слишком низко для меня. И лишь спустя время и поняла, что он не ценил ни мою красоту, ни мою верность, ничего вообще... Я ответила, что разумеется, это его ребенок, ничей больше. Он даже не дал мне закончить фразу и прервал меня с таким искренним удивлением, будто он вообще не при чем: «Какой ребенок, дорогая, ты о чем вообще говоришь? Корабль уходит через месяц, я не готов стать отцом! Больше не обращай ко мне насчет этого! Пока!». Он развернулся и взошел обратно по трапу на палубу. Он абсолютно индифферентно, даже пренебрежительно отнесся к этому известию. Жизнь продолжается, ему-то что... С берега я услышала, как он рассказал паре моряков о том, что я сказала ему. Они похлопали его по плечу и поглядели в мою сторону и легкой тоской во взгляде. А я не стала поспешно уходить и куда-то прятаться от их взоров. Я гордая, я стояла на набережной и смотрела на водную гладь. Все равно что эти глупые люди подумают и скажут...

Я слушал ее и не понимал, за что же такой красивой и одаренной девушке такая доля? Какой же подлый человек попался ей в шестнадцать лет... Я ее не торопил. Она глядела то в пол, то в стену позади меня, сидящего напротив нее, морщила тонкие черные брови и продолжала рассказ:

– Тот месяц был ужасен. Когда я пришла домой после «радостного» известия, я заплакала. Лицом в подушку, разуме-

ется, чтобы никто из соседей не слышал. К кому мне было идти с этой бедой? Может быть, час я так пролежала, а может быть, и два. Отец был на работе. Я открыла его шкафчик с самокрутками и взяла одну из большой коллекции. До того момента я ни разу ни курила, но тогда поняла, что если я не пойду на такие меры, мне больше не на что будет отвлекаться. Я подожгла самокрутку спичками и затянулась. Для моих легких это было слишком резким ударом, поэтому я долго прокашливалась, но, войдя во вкус, я выкурила целую папиросу, запив ее гаванским ромом, взятым у отца. Алкоголь быстро на меня подействовал и я не нашла ничего лучше, чем лечь спать. Мне, несмотря на выпитое, снились в ту ночь встречи с Жаном. Хотелось пойти и встать под душ, чтобы смыть с себя всю эту энергетическую грязь. Проснувшись утром, я долго притворялась спящей, благо был выходной. А на самом деле я думала о том, что ждет моего ребенка. Да, уже только моего. Отец бы принял, он человек добродушный, но чему бы я научила ребенка, в свои юные годы, сама толком ничего не умея? Неужели его ждет жизнь в нищете коммуналок? И он мне будет напоминать Жана всю жизнь? Но ведь если я избавлюсь от ребенка, я поставлю врача в известность. В госпитале меня увидят люди и новость облетит город быстрее ветра. И как же потом жить с ярлыком? К тому же такой грех будет очень трудно замолить. Или поставить отца в известность, честно признавшись, что вот так получилось... Отец понимающий человек, он бы не стал ру-

гаться и учить меня жизни. Но я посмотрела на вопрос еще с одной стороны: если уж Бог дал дитя, то следует выполнить волю Бога. Воспитать ребенка достойным человеком. Набравшись смелости, я выбрала более благородный и правильный путь, но побаивалась сказать об этом отцу и все время молчала. С другой стороны, корабль по-прежнему стоял в нашем порту и напоминал мне о присутствии Жана в моей судьбе. А особенно было больно видеть беззаботно разгуливающего по острову и улыбающегося Жана. Казалось, что он даже забыл об известии от меня... Каждый раз, когда я видела его в городе, мне хотелось разреветься от досады. Периодически я приходила домой, пряталась в укромный угол, где находилось техническое оснащение, и плакала. Благо гудение приборов заглушало мои всхлипы. От психологического потрясения на почве того, что Жан обманул меня и оставил со своим же ребенком на произвол судьбы, я сильно втянулась в курение и стала выпивать все чаще. Отец не замечал пропаж, ведь папирос и рома у него был полный шкафчик. Разумеется, от ежедневных слез, табака и выпивки организм сильно ослаб. И в один вечер я потеряла этого ребенка. Именно в тот вечер, когда корабль уходил от наших берегов. И иногда я даже радуюсь этому, поскольку вместе с отбытием корабля Жан окончательно и бесповоротно ушел из моей жизни. Но память настолько уникальная штука, что я помню каждую встречу с Жаном и мне от этого становится тошно. Я застраховала себя от подобных «замечательных

встреч», я себя уважаю, потому что я у себя одна все-таки... И всю эту историю знаю только я. Ну, теперь и ты. А что касается Бога... Сначала я раздумывала над тем, зачем же он так со мной поступил, ведь я исправно служила ему... А потом я перестала в него верить, как перестают верить в персонажей из детских сказок. Мой крест на шее – всего лишь кулон. И на мессах меня уже давным-давно нет, поскольку это мой осознанный выбор. А просто так на них ходят лишь олухи. Мой последний визит в церковь был для того, чтобы поставить свечу за упокой ребенку, – она закончила рассказ и посмотрела мне прямо в глаза. Она не ждала вопросов и попыток вывести на чистую воду, словно понимала, что я этого не стал бы делать, ведь мне не хотелось ранить человека еще больше.

– Не стоит так печалиться. Ты хороший человек. Не беспокойся об этом, Всевышнему все известно, Жан будет наказан обязательно.

– Ты хорошо ко мне относишься, в отличие от многих горожан. Я не хочу огорчать тебя, но наши отношения невозможны и отныне ты знаешь, почему, – спокойно сказала она

– Я не огорчаюсь, ты уж точно не виновата в таком прошлом. Знаешь, я бы посоветовал не прекращать верить в хорошее и доброе. Если потеряешь эту веру, станет очень тяжело...

Она отрезала мне кусок пирога и завернула его в газетную бумагу.

– Оставь, вам хоть с отцом хватит? – начал было противиться я

– Хватит, уж тебе не жалко, – отмахнулась она, – давай уже провожу тебя, а то скоро соседи вернутся с веселья. Идем.

Она позвала меня за собой к входной двери. В тот летний вечер на фоне пустых улиц, утопающих в лучах заката тропического солнца, сжигающего стены старых домов, она словно стала другой. Платье приобрело серый оттенок, кожа ее казалась более смуглой, черные волосы вились, она хмурила брови. Я смотрел на нее как на ангела, спустившегося с неба. Что ее ждет в будущем? Она улыбнулась мне уголками рта, и, уловив момент, поцеловала меня в щеку. Это длилось менее секунды, но мне показалось, будто пролетела целая вечность. Девушка с таким прошлым, не желающая идти на контакт с людьми, меня поцеловала, надо же! Я просто улыбнулся ей, и, прижав кусок торта к сердцу, поблагодарил ее и пошел домой. Я шел по мокрой от стремительного дождя набережной, глядя на закат. Я был счастливее всех в мире в тот вечер!

Я затушил сигару в старой пепельнице. Сколько лет прошло с тех пор? Сорок, а может быть, меньше... Этим летом я все же решил написать мемуары. Несколько поколений сменились, уже никто не вспомнит тех дней, когда мне было двадцать лет. Я переехал в столицу из своего родно-

го городка много лет тому назад. В своих мемуарах я заменил имена персонажей в целях сохранения конфиденциальности. Но одного я соврать не смог – яркость, незабываемость моментов, происходивших в моей юности. Я их передал с особой точностью, с любовью. Жены и детей у меня нет. Но ни одну женщину, с которой я встречался, я не обидел ни словом, ни делом. И ни в одной из них я не находил тех черт, которые были присущи ей. Меня беспокоил вопрос, где же она находилась, что происходило в ее жизни. Ее история не давала мне покоя все эти годы и я изложил ее на бумаге в толстой тетради с кожаным переплетом. Мои мемуары впитали все – дым сигар, свежесть океанской воды, свет первых лучей заката и рассвета на острове, и, безусловно, мою первую и последнюю любовь, которая прошла испытание годами и теперь снизошла на бумагу.

Она. Свет солнца тропического острова. Глоток океанского бриза. Мария.

В городе N

Был конец мая. Дневной зной, типичный для города N, потихоньку сменялся вечерней прохладой. Приближалось время ужина. Слабый ветер теребил пожелтевшие от времени занавески. За кухонным столом сидели две женщины – одна старше, другая моложе. Было заметно, что они устали от домашних дел, которыми были заняты весь день. Та, что старше, медленно попивала чай из керамической кружки, глядя вверх нее в окно. Та, что моложе, сидела на деревянном стуле и теребила в руках салфетку. Было заметно, что ей некомфортно в такой обстановке.

– Немало бед он принес в мою жизнь, – не без горечи в голосе вела разговор старшая женщина, – увез из родительского дома, после начались его долги, пьянство, безделье, драки... Где же он на этот раз...

Младшая ощутила на себе тяжелый взгляд, от которого хотелось провалиться под землю. Она чувствовала себя виноватой в том, что у нее все было хорошо, а судьба собеседницы давно уже улетела под откос. Парадоксально, ведь никакой ее вины в этом не было и быть не могло. Но женщина создавала очень гнетущую атмосферу своим монологом.

«И зачем я, по доброте душевной, вызвалась помочь ей по хозяйству, – размышляла девушка, встав со стула и налив себе чай, – явно моей помощи не рады».

Взрослая женщина, поджигая спичками дешевую сигарету советского производства, словно прочла мысли младшей и немного смягчила свой взгляд. Ведь девушка явно сочувствовала ей, хотя и не делала это открыто.

– Ульяна, вы, – начала было гостя

– Обращайся ко мне на «ты», – перебила женщина

– Если бы я только знала твою беду, я бы постаралась дать тебе дельный совет, лишь бы тебе было легче... – смутилась девушка

– Не переоценивай так себя, Рита. Многие давали «дельные» советы, да был бы хоть один из них действенный... Жизнь моя разрушилась еще тогда, когда я впервые его встретила. Бог мой, ну за что же мне, – она сделала глубокую затяжку, выпустила едкий дым через ноздри и вытащила из передника старую фотографию, – посмотри. Это я двадцать лет тому назад.

Маргарита присмотрелась к фотографии и ахнула: на нее смотрела девушка с фигурой Софи Лорен и косой до талии, с лучезарной улыбкой и горящими глазами. Сколько в ней жизненных сил и энергии, словами не описать!

– Вот-вот, – словно прочла мысли собеседницы Ульяна, – а сейчас я до сорока пяти килограмм едва дотягиваю. Всю мою кровь выпил, упырь. Эх, вот времена-то были! Помнится, окончила я десять классов с золотой медалью, вся школа на меня не могла нарадоваться. В университет дорогу мне прочили. Поступила я в город, на учителя географии и био-

логии. Активистка я была, и пела, и танцевала, и спектакли ставила, и в субботниках участвовала. Направили меня после первого курса вожатой в пионерлагерь. Каждый день мы отправлялись на речку, в лес, играли в волейбол, а вечером организовывали концерты. Не отряд у меня был, а золото. Словно мои родные дети. А как парни-вожатые за мной ухаживали! И Дима, политрук, ягоду для меня в лесу собирал, и Леша, который в политехническом учился, самые красивые ракушки для меня ловил в море, и Марат, физкультурник, плавать меня учил. Но мало они меня интересовали, мне было всего семнадцать, учеба была на первом месте.

В самый разгар лета мы отправились в конный поход, далеко за пределы пионерлагеря. Жара стояла такая, что все плыло перед глазами. Я ехала впереди всей вереницы. И вдруг навстречу мне – он. На коне, в белой рубашке. Едет так величаво, свысока поглядывает на всех. В такую жару дышать было невозможно, а тут вообще в горле пересохло. Думала, мираж. Улыбнулся он мне своими белоснежными зубами, глаза его засверкали. Тут и ребята на лошадях подошли, а за ними и пионеры. Познакомились парни с ним, решили все вместе дальше поехать. А мне только этого и надо было! Я была несказанно рада тому, что он отправился дальше с нами! Думала, вот кто меня достоин, а не эти Дима, Леша и Марат! Для меня они казались домашними мальчишками, которые ничего в жизни не увидят, кроме работы, коммунальной квартиры и партсобраний. Покорить меня было

непросто... А тот парень ничего не сделал для этого. Он просто явился. И я, такая доселе гордая, снизошла до него.

Вечером мы устроили привал и разбили палатки. Наш новый попутчик одним чирком спички развел костер и собрал всех нас вокруг него. Рассказывал он о себе, о том, как жизнь забросила его в эти края, пожелала его душа свободы, вот и отправился он, куда глаза глядели. Сказал, что не учился он, что все университеты у него в голове, и что дом у него в городе N имеется. Мы слушали, словно замороженные, открыв рты. Теперь и он глядел на меня. А я глядела на него. Его звали Руслан. Руслан Белый. Он достал нож и начал на нем жарить хлеб над костром. А затем он ел хлеб прямо с лезвия. Мы наблюдали: пламя костра отражалось на стали клинка и ослепляло нас. Он не резался, ему все было ни-почем. Руслан периодически отвлекался от трапезы и хитро-хитро мне улыбался. И было же у меня предчувствие, что вся эта история добром не закончится, но горячая молодая кровь и влюбленность брали свое.

Весь следующий день похода я ни с кем не разговаривала, а думала непростую думу: как же быть мне, ведь дом его находится в городе N, а я родом из села, хотя и учусь в его городе. То, что у него нет образования, мои родные явно не одобряют. С другой стороны, мать и отец будут только рады, если у меня будет муж из города.

И в этот момент он словно прочел мои мысли, оживился, подъехал ко мне на коне и сказал, мол, красавица, если в го-

роде будешь, мой дом всегда для тебя открыт. И бумажку протягивает с адресом своим. Объясняет, что жениться давно собирается, невесту ищет, и я ему очень понравилась, будет со своими родителями решать вопрос о женитьбе. И тут я словно взлетела под облака! Это точно судьба, знакомы всего один день, а он так серьезно настроен! Он смотрит на меня и цепочку золотую мне протягивает. Что там эти ягоды да ракушки! Человек, да какой, жениться намерен на мне! Возгордилась я тогда не на шутку.

Стала ждать конца лета, цепочку носила на шее, не снимая. Проверила, что золото настоящее, в отделении милиции узнала, что адрес Руслана действительно существует, даже родителям в письме сообщила о встрече с Русланом и наших с ним планах на будущее. Родители несказанно обрадовались такому знакомству, добро дали на нашу свадьбу.

Женщина снова затянулась табаком и бросила беглый взгляд в окно. Во дворе было свежо, ребята играли в футбол с шумом и гамом, сигналили машины, солнце опускалось ближе к линии горизонта. Небо постепенно окрашивалось в оранжевый цвет. На кухонной плите стоял глиняный горшочек с овощным рагу, от которого чувствовался приятный аромат.

– Поздно твой муж приходит? – осторожно поинтересовалась Маргарита

– Если вообще приходит, – с грустной иронией молвила Ульяна, – бывает, на неделю пропадает, хотя ему уже не два-

дцать давно.

– Не сочти за фамильярность, сожалеешь, что не ответила взаимностью ни одному из тех троих парней? – спросила девушка

– Ну ты и спрашиваешь. Разумеется. Может, жила бы сейчас в заводском общежитии с мужем, зато не терпела бы годами такое поведение. Да всяко было бы лучше! – она потушила сигарету в пепельнице.

– Где же справедливость в этом мире, – приуныла девушка, – вот ты такая личность, а встретила на своем пути...

– Брось жалеть. Вот будут похороны мои, там можно будет причитать, – оборвала на полуслове Ульяна, – как потом оказалось, дом этот за него строили его родители, он им ни кирпичика не подал, а цепь ту украл он из ювелирной лавки. После восьмого класса выгнали его из школы за безалаберность, с тех пор он и находился везде, куда ноги его несли. А лошадь ту он из колхоза увел. Только все это узнала я уже после свадьбы. До того момента была лишь пыль в глаза. Думала, если уж меня он выбрал, значит, мы самые достойные друг друга люди, будем счастливо жить. Только на свадьбе нашей бабушки перешептывались, мол, парень он видный, да не годится никуда, а девушка разумная и красивая, не губила бы свою жизнь с таким бездельником и хитрецом.

Я эти разговоры пропускала мимо ушей, поскольку была полностью уверена в нашем светлом будущем. Но с первых же дней супружеской жизни я узнавала о нем все боль-

ше неприятных фактов. Он оказался практически неграмотным. В элементарных словах допускал ошибки. Работать он тоже особо не стремился. Я возмущалась от того, что он бездельничал, но он лишь отмахивался, мол, деньги – это бумага, заработаем. Если и принимался за работу, то долго на одном месте не задерживался. С одного места выгоняли за пьянство, с другого – за прогулы, с третьего сам уходил, матушка-лень свое брала. Еще и я институт не окончила, ушла в декрет почти сразу после свадьбы. Продавцом работала в продуктовом магазине, да сильно ли прокормишь ребенка на ту зарплату...

Начала замечать, что Руслан странный стал какой-то. Один раз собралась постирать его вещи, запустила руку в карман брюк, а там – зерна, это друзья его везли из Средней Азии. Постоянно у нас собирались, пили, шумели... Все чаще я выворачивала его карманы, все больше зерен там было с каждым разом. Собирала я эти зерна и выбрасывала их, а он бежал через весь двор за мной и кричал, что они «денег стоят, полмесяца работал». А чтобы ребенка обеспечивать, он работать не торопился, благо, родители его всегда помогали, чем могли. И воровал он все больше, и сказочно повезло, что дело не закончилось тюрьмой.

Позже родился у нас Максим – вылитый отец! Что внешность, что характер, – Ульяна достала другую сигарету, подкурила и вновь выглянула в окно. Смеркалось, детские голоса стихали, молодежь пела песни под гитару. Издалека ото-

звался аккордеон, девушки подхватили песню своими звонкими голосами.

– И где же мои семнадцать лет... – вздохнула она, – в 1969м году остались...

– А что же дальше, как ты боролась? – интересовалась девушка, хотя каждый свой вопрос она считала неудобным, а обращение на «ты» – высшей степенью фамильярности. Но любопытство вперемешку с недоумением брали верх.

– Никак тут не поборешься. Каждый раз я отбирала у Руслана спиртное и зерна. Потом он еще и в карты начал играть на деньги. Просила его чаще дома появляться, заниматься сыном, но это было бесполезно. Из дома мог уходить к своим друзьям на неделю. Когда приходил, я кричала на него по полчаса, бросалась посудой, а потом все равно прощала. И сегодня он не придет, знаю...

Маргарита пребывала в тоске. От вопиющей несправедливости истории Ульяны и от того, что она совсем не может помочь этой женщине, даже при всем своем желании.

– А где же ваш сын? – осторожно задала она вопрос

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.